

ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ СТИЛЕВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РАННИХ РАССКАЗОВ А.П. ЧЕХОВА В ОСЕТИНСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Дзапарова Е.Б.¹

¹ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра Российской академии наук и Правительства Республики Северная Осетия-Алания», Владикавказ, Россия (362008, РСО-Алания, Владикавказ, пр. Мира, 10), e-mail: soigsi@mail.ru

В настоящей статье анализируется перевод ранних рассказов А.П. Чехова «Хирургия», «Толстый и тонкий», «Смерть чиновника» на осетинский язык. Автор статьи на материале переводных текстов выявляет основные переводческие методы и принципы, которыми руководствовался переводчик в своей работе. На основе сравнительно-сопоставительного анализа разноязычных текстов рассматриваются стилиевые особенности рассказов А.П. Чехова и способы их передачи на осетинский язык. Отдельное внимание уделяется передаче юмористической и сатирической направленности ранних рассказов русского писателя. Автором приводятся не только положительные примеры перевода, но и стилистические неудачи переводчика.

Ключевые слова: художественный перевод, транслитерация, транскрипция, исходный текст, переводной текст, единица перевода, эквивалент

THE PROBLEM OF STYLISTIC FEATURES OF EARLY STORIES BY A.P. CHEKHOV IN THE OSSETIAN TRANSLATIONS

Dzaparova E.B.¹

¹North Ossetian Institute of humanitarian and social studies by V.I. Abaev, Vladikavkaz, Russia (362008, Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, pr. Mira, 10), e-mail: soigsi@mail.ru

This article analyzes the translation of the early stories of A.P. Chekhov's «Surgery», «Thick and thin», «Death to the official» into the Ossetian language. The author of the article on the material of the translated texts reveals the basic translation methods and principles which the translator guided in his work. On the basis of comparative analysis of multilingual texts the considered stylistic features A.P. Chekhov's of stories are transferred into the Ossetian language. Special attention is paid to the transfer of humorous and satirical focus of the early stories of Russian writer. The author gives not only positive examples of translation, but also the stylistic failure of the interpreter.

Keywords: literary translation, transliteration, transcription, original text, translated text, the translation unit, equivalent.

В январе этого года литературная общественность широко отметила 155-летие со дня рождения великого русского писателя, классика мировой литературы Антона Павловича Чехова (1860–1904). В честь юбиляра во многих уголках нашей страны проводились различные мероприятия, отдавая дань великому художнику слова. Сила художественного мастерства Чехова всегда оказывала воздействие на формирование мировоззрения многих поколений писателей. Сильно повлияло творчество А.П. Чехова и на осетинских писателей. «В Чехове, – отмечал известный осетинский прозаик Дабе Мамсуров, – покоряют гуманизм творчества, глубина и ясность мысли, простота художественных средств. Его творчество всегда направлено в будущее, оно глубоко философское по содержанию, легко доходит до любого читателя» [4]. Поэтому нас не удивляет тот живой интерес, который проявляли осетинские переводчики к произведениям русского писателя.

Творчество А.П. Чехова представлено на осетинском языке в разных литературных жанрах: рассказы, водевили, комедии. Начиная с 1922 г. в периодической печати¹ и отдельными изданиями выходят прозаические и драматические произведения русского писателя в переводе Б. Алборова, А. Гулуева, Д. Дарчиева, А. Саламова, Д. Мамсурова, Я. Хозиева, К. Гутнова, С. Бритаева, Х. Ардасенова, Н. Джусойты, Г. Дзугаева, М. Дзасохова, С. Доева, Х. Цомаева [3, с. 102–105], М. Казиева и др. На причастность Б. Алборова к творчеству А. Чехова указывает в своей статье «А.П. Чехов в осетинских переводах (характеристика литературного процесса)» Д.В. Сокаева. В частности, автор пишет, что в 1906 г. он перевел рассказ «Злоумышленник», а также участвовал в постановках пьес А.П. Чехова на осетинской сцене [8, с. 126].

В 1960 г. в Северной и Южной Осетии широко отмечалось 100-летие со дня рождения А.П. Чехова. К юбилейной дате были изданы произведения писателя несколькими сборниками, а пьесы ставились на сцене Осетинского театра [6, с. 413].

Произведения А.П. Чехова переводились и публиковались на осетинском языке и позднее. Особой популярностью среди переводчиков пользовались рассказы А.П. Чехова, неоднократно переводимые и публикуемые на осетинском языке. По-разному интерпретировались рассказы «Ванька», «Хамелеон», «Смерть чиновника», «Толстый и тонкий», «Жалобная книга», «Каштанка», «Госка», «Злоумышленник» и др.

Большая заслуга в переводе рассказов А.П. Чехова принадлежит Газаку Тогузову (Иласу Арнигону). Сам Тогузов обращался в своих произведениях к чеховским традициям: изображал жизненные явления и пороки современной ему действительности. Так, известный осетинский литературовед Х. Ардасенов усматривал благотворное влияние творчества русского писателя на прозу Газака Тогузова. «Влияние Чехова, – писал он, – испытывал и Арнигон (Газак Тогузов). Его перу принадлежит одна из лучших новелл осетинской литературы предоктябрьского периода “Челе”, где он в стиле Антона Чехова, с грустной улыбкой, ярко нарисовал образ скупца, который и на смертном одре говорит своим сыновьям: “Где же мой рашпиль, поищите его у соседей”. И после того, когда был найден рашпиль и положен на место, Челе навсегда закрыл глаза» [1, с. 183].

Г. Тогузову принадлежат переводы ранних рассказов Чехова: «Смерть чиновника», «Толстый и тонкий», «Хирургия»². Анализ стилистических особенностей вышеуказанных

¹На страницах журнала «Мах дуг» («Наша эпоха») на осетинском языке можно было прочитать рассказы А.П. Чехова «Хирургия», «Жалобная книга», «Толстый и тонкий», «Смерть чиновника», «Человек в футляре» (№ 1–2, 1935); «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь» (№ 6, 1939); «Злоумышленник», «Отец семейства» (№ 1, 1955); «Госка» (№ 7, 1954); «Радость», «Неудача», «Письмо к ученому соседу» (№ 1, 1960); «Супруга» (№ 1, 1985) и др.

²Переводы были опубликованы в 1935 г/ в журнале «Мах дуг» под инициалами Т.Г. (Тогузов Газак). Оригинальное творчество издавал под псевдонимом Илас Арнигон.

рассказов в переводе на осетинский язык и будет целью нашего исследования. Предпринятый нами анализ позволит выявить степень воссоздания переводчиком индивидуального стиля русского писателя, идейно-художественного своеобразия переводимых произведений.

Как известно, произведения А.П. Чехова труднопереводимы. «Никто не понимал так ясно и тонко, как Антон Чехов, трагизм мелочей жизни, никто до него не умел так беспощадно, правдиво нарисовать людям позорную и тоскливую картину их жизни в тусклом хаосе мещанской обыденщины. Его врагом была пошлость; он всю жизнь боролся с ней, и он осмеивал и ее изображал бесстрастным, острым пером, умея найти прелесть пошлости даже там, где с первого взгляда, казалось, все устроено очень хорошо, удобно, даже – с блеском...» [5, с. 124], – писал о произведениях Чехова другой известный русский прозаик и драматург М. Горький. Для своих произведений Чехов всегда выбирал особую форму, особые стилистические средства. Лаконизм, юмор, сатира – эти составляющие и делают манеру и стиль писателя узнаваемыми. Для переводчика ранних рассказов А.П. Чехова необходимо было сохранить их художественное своеобразие, перенести в переводные тексты национальный колорит и юмористическую направленность.

В небольшом рассказе «Хирургия» писатель показывает нам характеры людей, оказавшихся в определенной ситуации. Комичный случай из практики земского врача составляет основу повествования. Произведение А. Чехова характеризует словесная сжатость в описаниях. Лаконичен автор и в описаниях внешности своих героев. Изображая фельдшера Курятина, писатель отмечает: *«Толстый человек лет сорока, в поношенной чечунчовой жакетке и в истрепанных триковых брюках. На лице выражение чувства долга и приятности»* [9, с. 20]. Осетинский перевод этого отрывка выглядит так: *«Ставд адаймаг, дыууиссаедзаздзыд, фауд чесунча закеты амае лабырд трико хелафы. Йае цаесгомьл хас амбарыны амае ахсызгон хорзы аенкъарындзнад йаехи 'вдисы»* [10, с. 53]. Это описание внешности персонажа в переводе, как и в оригинале, юмористично. Для создания образа Курятина переводчик находит равнозначные эквиваленты. Лишь в отдельных случаях заменяет некоторые лексемы оригинала более распространенными единицами: *«чувства долга и приятности»* [9, с. 20] – *«хас амбарыны амае ахсызгон хорзы аенкъарындзнад йаехи 'вдисы»* [10, с. 53]. Лексема *«истрепанный»* в переводе представлена единицей *«фауд»*, имеющей следующие значения на русском языке: *«оконченный», «законченный»*. Как видим, представленная в переводе «замена» лексемы *«истрепанный»* не отражает ее значения на осетинском языке.

Следом идет характеристика второго героя, дьячка Вонмигласова: *«Высокий коренастый старик в коричневой рясе и с широким кожаным поясом. Правый глаз с*

бельмом и полузакрыт, на носу бородавка, похожая издали на большую муху» [9, с. 20]. Осетинский переводчик не отступает от чеховской оригинальной характеристики: «...бæрзонд, бæсæрхыг зеронд лæг, сауджыны морæпæлæзы æмæ фæтæн мæскуы роны. Йæ рахиз цæст у урс æмæ æрдаг ныкъкъуылд, йæ фындзырагъыл бызычы дардмæ зыны дынджыр бындзы хуызæн» [10, с. 53]. Обратим внимание на перевод сочетания «правый глаз с бельмом» – «йæ рахиз цæст у урс». Переводчик, как кажется, достоверно донес эту деталь во внешности пациента Вонмигласова. Лексема «бельмо» имеет следующие эквиваленты в переводящем языке: «дзагъыр», «урсцæст», «цæсты сындз». Переводчик в тексте правильно доносит значение переводимого слова: «йæ... цæст у урс» (с осет. «глаз у него белый»).

Особую роль в произведении играет речь персонажей, характеризуя не только их социальное положение, но и род деятельности. Так, речь дьячка насыщена церковнославянскими словами: «Питие мое с плачем растворях», «Согрешихом и беззаконновахом... Студными бо окалях душу грехми и в лености житие мое издих...», «...мы за вас денно и ноцно, отцы родные... по гроб жизни...» [9, с. 20–21]. Переводчик в тексте отходит от намерений автора, церковная лексика в переводе заменяется нейтральными словами, лишенными стилистической маркированности. Обратим внимание на перевод: «Мæ ност дзыназгæйæ тайын кæнын мæхицæн», «Тæригъæд ракодтон æмæ æнагъдаудзинады бын фæдаен... Сыхсыстон мæ уд æнаккаг тæригъæдтæй æмæ зивæджы мидæг мæ цæрындзинад иууыл хардзгонд фæдаен...», «мах æхсæв – уæд бон, ныййарæг фыдаелтæ... царды ингæны онг...» [10, с. 53–54].

Сатирически Чехов описывает действия Курятина при попытках вырвать зуб. Переводчик, следуя интенции автора, в полной мере доносит до осетиноязычного читателя всю безответственность, которую проявляет чеховский герой по отношению к своему пациенту.

Комичность повествованию придает и речь героев, представленная просторечной лексикой. Так, очередная неудавшаяся попытка фельдшера вырвать зуб Вонмигласову вызвала у последнего агрессивную реакцию. Уважительное отношение дьячка к Курятину переходит в оскорбления: «– Паршивый черт... – выговаривает он. – Насажали вас здесь, иродов, на нашу погибель!» [9, с. 23] – «– Гæбæр хæрæг... – дзуры уый, – æрбадын уæ кодтой ам, цъаммарты, мах сæфтæн!» [10, с. 55]. Переводчик, как видим, находит не совсем эквивалентные единицы переводящего языка, но адекватные по эстетическому восприятию: «черт» (осет. «хæйраг») – «хæрæг» (с осет. «осел»), «ирод» – здесь переводчик находит частичный эквивалент – «цъаммар» (с осет. «негодяй», «подонок», «мерзавец», «подлец»).

Как известно, А.П. Чехов в произведениях любил использовать говорящие фамилии. Являясь символами тех или иных качеств и представлений, они вносят дополнительный

смысл в переводимый текст [2]. Так, и в рассказе «Хирургия» персонажи являются носителями говорящих фамилий: «*Курятин*», «*Вонмигласов*». Передача данных антропонимов в переводной текст ставила перед переводчиком определенные задачи[^] передать либо фонетическую/графическую форму переводимого слова, либо его содержание. При транскрипции/транслитерации некоторые качества характера, присущие персонажу, носителю говорящей фамилии в переводимом тексте, остается непонятой принимающей стороной. Нашу точку зрения поддерживают многие специалисты, в той или иной степени касающиеся рассматриваемого нами вопроса. В своей работе исследователь О.Г. Сидорова, касаясь передачи имен собственных в переводной текст фонетическим и графическим способами, указывает на ряд недостатков. В частности, автор статьи пишет: «Транскрипция и транслитерация являются способами передачи личных имен в иноязычном тексте, при которых, как правило, не получают отражения прагматический элемент, социальный статус имени, его эмотивная составляющая..., ассоциативный фон, языковая игра, каламбуры, аллюзии и многое другое» [7, с. 257].

При передаче имен собственных рассказа «Хирургия» переводчик автоматически переносит их из одного языка в другой. Так, в первом случае переводчик меняет лишь графическую форму слова: «*Курятин*» в переводе становится «*Курйатин*»-ым. Во втором – полностью сохраняет графический и фонетический облик собственного имени: «*Вонмигласов*» – «*Вонмигласов*».

В другом произведении характеристика внешнего вида персонажей А. Чеховым дана уже в самом названии – «Толстый и тонкий». В переводе – «Ставд æмæ нарæг». Произведение, являющееся ярким примером проявления чеховской сатиры, было написано на актуальную для русского общества XIX в. тему. Писатель показал людей, для которых не чуждо чиновничество и самоунижение. Автор и здесь краток в описаниях. При этом большое значение писатель отводил художественной детали: «*Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подернутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом и флер-д'оранжем*» [9, с. 10]. Обратим внимание на интерпретацию данной характеристики «толстого» в осетинском переводе: «*Ставд нырма ацы цъусдуг скодта сихор вагзалы æмæ йæ царвæй дзаг былтæ рæгъæд балтау æрттывттой. Цыди дзы херес æмæ флерд-оранзы тæф*» [10, с. 57]. Переводчик находит эквивалентные по своим художественным впечатлениям языковые средства («*губы лоснились, как спелые вишни*» – «*былтæ рæгъæд балтау æрттывттой*»). Но, на наш взгляд, необходимо было осетиноязычному реципиенту пояснить значения иноязычных слов «*херес*» и «*флер-д'оранж*», а не ограничиться их механической передачей в переводной текст.

«Тонкого» автор характеризует сатирически. Новость о карьерных успехах одноклассника настолько потрясла его, что он: «...вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съежился, сгорбился, сузился...» [9, с. 11]. Переводчик на осетинском языке почти дословно воспроизводит художественную структуру переводимого отрывка: «Нарæг æваст æрбафæлурс, фæдурдзæфау, фæлæ уайтæккæ дæр йæ цæсгом алырдаем ныззылынта уæрæх мидбылты бахудтæй, афтæ зындис æмæ цыма йæ цæсгомæй æмæ йæ цæстытæй фæйнаердаем цæхæр кæлын байдыдта. Йæхæдæг цы уыдис, уымаей æрбампылд, фæгуыбыр æмæ ныннарæг ис» [10, с. 57]. Чтобы усилить впечатление реципиента, переводчик использует в тексте дополнительную лексему «*фæйнаердаем*» (с осет. «во все стороны»): «*йæ цæсгомæй æмæ йæ цæстытæй фæйнаердаем цæхæр кæлын байдыдта*» [10, с. 57] (с осет. «от лица его и глаз в разные стороны сыпаться начала искра»). Другие художественные особенности исходного текста переводчиком воспроизведены детально.

Сатирический талант русского писателя проявился и в небольшом рассказе «Смерть чиновника» [9, с. 3–5]. И здесь А. Чехов обличает общественные пороки тогдашнего времени – угодничество, чиновничество. Сатирически обрисован в рассказе чиновник Червяков. Основу сюжета составляет комический инцидент, произошедший с ним в театре. Герой рассказа Чехова нечаянно чихнул на лысину впереди сидящего генерала. Страх перед вышестоящим лицом вызвал у Червякова переживания. Автор отчетливо передает состояние героя после случившегося: «*skonфyзился*», «его начало помучивать беспокойство», «бледнел», «забормотал», «млел от ужаса» и т.д. Чеховская лексика, на наш взгляд, не совсем сохранена в осетинском переводе рассказа «Смерть чиновника» – «Чиновничы мæлæт» [10, с. 59–60]: «*фæфсармы ис*», «*йæхи мидæг тыхсын байдыдта*», «*фæлурс кæнгæйæ*», «*нæтгæйæ дзурын байдыдта*», «*удуадæй лæмæгъгæнгæйæ*». В переводном тексте в некоторых местах лексика Чехова приобрела стилистически нейтральную окраску. Например, в тексте Чехов употребляет глагол «*помучивать*», обозначающий действие, совершаемое не постоянно, а время от времени. В переводе мы видим следующую замену: «*йæхи мидæг тыхсын байдыдта*» (с осет. «внутри себя он начал переживать»). Не совсем эквивалентные единицы переводящего языка, на наш взгляд, находят и в следующих примерах: «забормотал» (осет. «хъуыр-хъуыр кæнын райдыдта») – «*нæтгæйæ дзурын байдыдта*» (с осет. «стоная, он начал говорить»), «млел от ужаса» (осет. «тасæй æндзыг кодта») – «*удуадæй лæмæгъгæнгæйæ*» (с осет. «от бури в душе стал слабеть»). Как видим, в переводном тексте представленные единицы исходного языка приобрели совсем другие значения.

Обращает на себя внимание и речь генерала. Надоедливые извинения Червякова взбесили Бризжалова. За ними последовала вполне предсказуемая реакция: «– *Пошел вон!! – гаркнул вдруг посиневший и затрясшийся генерал... – Пошел вон!! – повторил генерал, затопав ногами*» [9, с. 5]. Перевод выдержан в характерной для оригинального фрагмента интонации: «– *Федте у тагъд!! – фæтъæлланг кодта инæлар, цъæх-цъæхид афæлдаæхгæйæ æмæ æмриздæджы сризгæйæ... – Федте у тагъд!! – загъта дыккаг хатт инæлар, йæ къæхтæ сцæгъдгæнгæйæ*» [10, с. 60]. В переводе используются лексические конструкции, имеющие бóльшую эмоционально-экспрессивную окраску, чем в оригинале («*Федте у тагъд!!*» – с осет. «Убирайся быстро!!»). Просторечие «*гаркнул*» в переводе не сглажено, а отражено с помощью единицы соответствующего пласта стилистически сниженной лексики переводящего языка – «*фæтъæлланг кодта*».

Смерть чиновника Червякова в переводе описана так же лаконично, как и в оригинале. Переводчик ограничился несколькими предложениями: «*Йæ хуылфы мидæгæй Червяковæн цыдæр фескъуыдис. Ницы уынгæйæ, ницы хъусгæйæ, фæфæсмьдзы кодта уый дуарыздæм, рацыд уынгмæ æмæ цудтытæгæнгæ араст. Сæхимæ куыд æрбацыд, уый нæ базонгæйæ, æд вицмундир æрхуыссыд уый диваныл æмæ... амард*» [10, с. 60]. Для того чтобы адекватно воспроизвести эмоциональное потрясение чиновника, как нам кажется, переводчик находит соответствующие по денотативному и сигнификативному значению единицы переводящего языка. Например: «*В животе... что-то оторвалось*» – «*Йæ хуылфы мидæгæй... цыдæр фескъуыдис*» (с осет. «Внутри у него что-то оборвалось»), «*попятился*» – «*фæфæсмьдзы кодта*» (с осет., «попятился»), «*поплелся*» – «*цудтытæгæнгæ араст*» (с осет. «направился, шатаясь»).

Последние стоки рассказа и в переводе, как видим, передают смертельный испуг чеховского героя, повлекший за собой его смерть.

Таким образом, в произведениях А.П. Чехова на осетинском языке в основном совпадает не только идейно-тематическое содержание, но и стилистическая тональность исходного и переводящего языков. Отдельное внимание переводчик уделяет воспроизведению комического пафоса переводимых текстов. Для этого он находит эквивалентные языковые средства выражения образности.

Список литературы

1. Ардасенов Х. А.П. Чехов и осетинская литература // Советская Осетия. – 1960. – № 15–16. – С. 183.

2. Дзапарова Е.Б. Имена собственные в зеркале художественного перевода // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5; сайт. – URL: www.science-education.ru/119-14666 (дата обращения: 11.04.2015).
3. Дзапарова Е.Б. Харлампий Цомаев – переводчик русской классической литературы на осетинский язык // Молодые ученые в решении актуальных проблем науки: сборник работ молодых ученых. – Владикавказ, 2012. – С. 102–105.
4. Мамсуров Д. Могучий талант // Социалистическая Осетия. – 1960. – № 20. – 29 янв.
5. М. Горький и А. Чехов. Переписка. Статьи. Высказывания. – М.: ГИХЛ, 1951. – 229 с.
6. Очерк истории осетинской советской литературы. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. – 420 с.
7. Сидорова О.Г. Антропоним в тексте перевода // Известия Уральского государственного университета. – 2001. – №20. Вып. 4. – С. 256–257.
8. Сокаева Д.В. А.П. Чехов в осетинских переводах (характеристика литературного процесса) [Электронный ресурс] // А.П. Чехов – универсальность, традиция и модернизм. – Бухарест, 2010. – С. 123–130: сайт. – URL: http://www.filologie-rusa.ro/revista/filologie_rusa_XXVII.pdf (дата обращения: 19.03.2015).
9. Чехов А.П. Рассказы. Л.: Художественная литература, 1978. – 382 с.
10. Чехов А.П. Хирургия. Толстый и тонкий. Смерть чиновника / Пер. на осет. яз. Т.Г. // Мах дуг. – 1935. – № 1–2. – С. 53–60.

Рецензенты:

Гацалова Л.Б., д.фил.н., в.н.с. отдела осетинского языкознания, ФГБУН СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А, г. Владикавказ;

Парсиева Л.К., д.фил.н., в.н.с. отдела осетинского языкознания, ФГБУН СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А, г. Владикавказ.